

РАЗДЕЛ I. ЧАСТНОЕ ПРАВО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

УДК 347.133

Голышев В.Г.

Московский государственный областной университет

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КАТЕГОРИЙ «ПРАВОНАРУШЕНИЕ» И «НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ СДЕЛКА» В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РФ*

Аннотация. В статье изложена авторская позиция в отношении правовой природы недействительных сделок. Обосновывается положение, согласно которому гражданско-правовые категории «недействительная сделка» и «правонарушение» представляют собой разные, относительно самостоятельные правовые феномены. Отождествление сделки и деликта может иметь место лишь постольку, поскольку одни и те же действия одновременно составляют суть как недействительной сделки, так и правонарушения. Автором приводятся аргументы в пользу того, что правомерность не является конститутивным признаком гражданско-правовых сделок, как это представлялось рядом ученых-правоведов советского периода развития гражданского права. Материал статьи основан на исследовании широкого спектра литературных источников как советского периода, так и новейшего времени.

Ключевые слова: недействительная сделка, правонарушение, правомерность, противоправность, гражданское право.

V. Golyshev

Moscow State Regional University

TO THE ISSUE OF “OFFENSE” – “INVALID TRANSACTION” CORRESPONDENCE IN THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The author states his point of view on the legal nature of invalid transactions and substantiates that such civil categories as “invalid transaction” and “offense” are different and relatively independent legal phenomena. Invalid transaction and delict identification may occur only because the same actions constitute the essence of both invalid transaction and offense. The author argues that legitimacy is not a constitutive feature of civil transactions, as it was stated by some Soviet lawyers. The study is based on a wide range of literary sources of both Soviet and modern periods.

Keywords: invalid transaction, offense, legitimacy, illegality, civil law.

Современное гражданское законодательство содержит ряд норм, непосредственно посвящённых регулированию отношений, возникающих в связи с совершением недействительных сделок. Основной массив таких правил сосредоточен в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что законодательство не приводит легального определения недействительной сделки, указывая лишь на то, что сделка недействительна по основаниям, установленным ГК РФ, в силу признания её таковой судом (оспоримая сделка) либо независимо от такого признания (ничтожная сделка) (п. 1 ст. 166 ГК РФ). Данный подход законодателя к определению недействительной сделки хотя бы таким образом – уже представляет собой значительный шаг вперёд, поскольку прежний ГК РСФСР 1964 г. вообще не содержал подобной нормы, приводящей классификацию недействительных сделок на предмет их оспоримости и ничтожности.

Определение недействительной сделки и её правовой природы имеет не только важное теоретическое, но и практическое значение, что неоднократно отмечалось в юридической литературе советского [19; 28 и др.] и современного периодов [5; 16 и др.]. Между тем, до настоящего времени среди учёных-цивилистов сохранились различные взгляды по ряду вопросов, касающихся недействительности сделок, и, в частности, по вопросу отнесения недействительных сделок к правонарушениям.

Представляется, что анализ недействительности сделок не может состояться без исследования юридической природы сделки как правовой кате-

гории, что, в свою очередь, позволит определить основные подходы, которыми следует руководствоваться при изучении правовой природы недействительной сделки. Сделками по Российскому законодательству признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (ст. 153 ГК РФ). Данное определение было практически полностью заимствовано из ст. 41 ГК РСФСР 1964 г. и не подверглось заметным изменениям.

Такое понимание гражданско-правовой сделки является традиционным для цивилистики и практически не трансформировалось со времён римского частного права, когда под «юридической сделкой» понимали «всякое проявление частной воли, обращённое на цель, дозволенную правопорядком» [23, с. 68]. Проблема научного определения сделки на протяжении многих лет остаётся дискуссионной и побуждает учёных-цивилистов высказывать свои суждения на этот счёт. В частности не достигнуто единство взглядов относительно того, какие признаки сделки являются конститутивными и подлежат включению в соответствующую дефиницию. Наиболее остро данная проблема дискутируется в связи с постановкой вопроса о правомерности гражданско-правовой сделки как её необходимом признаком.

В советской цивилистической литературе было выражено мнение, согласно которому правомерность или неправомерность не является необходимым признаком сделки как юридического факта, а определяет либо её или другие последствия сделки [3, с. 50]. Следует заметить, что данная

позиция не нашла широкой поддержки со стороны цивилистического сообщества, и, даже наоборот, снискала активные и многочисленные критические замечания. Критикуя позицию Д.М. Генкина, О.А. Красавчиков приводил следующие аргументы: «...говоря о том, что «правомерность или неправомерность не является необходимым элементом сделки», мы этим самым снимаем и направленность этого юридического акта и потому сделку следовало бы определять просто как юридическое действие безотносительно к его направленности. Но такое утверждение означало бы полное отождествление сделки и деликта. Деликт может протекать в форме сделки. Именно только в форме, которая не может определить существование юридического факта. Признак неправомерности превращает сделку в правонарушение и лишает её юридической природы...». Итогом рассуждений О.А. Красавчикова стал вывод о том, «что правомерность является конститутивным элементом сделки как юридического факта» [9, с. 202].

Подобного критического мнения придерживался и И.Б. Новицкий, писавший следующее: «Сделка есть действие правомерное: это – один из существенных, характерных для неё моментов. Другими словами, действие, составляющее содержание сделки, должно выдержать проверку, оценку со стороны государства; государство должно признать данного рода действия соответствующими своим интересам или хотя бы не противоречащими этим интересам» [17, с. 12]. В литературе современного периода мы также найдём выражение мнений сторонников отнесения недействи-

тельных сделок к категории правонарушений. Так, например, А.Б. Венгеров приходит к выводу о том, что признание сделки недействительной относится к мерам гражданско-правовой ответственности (что вытекает из неправомерности недействительных сделок) [2, с. 471–472]. Мнение об отнесении признания сделки недействительной к последствиям злоупотребления правом в целомозвучно с позицией Н.С. Малеина, согласно которой «обращаясь к нормам Кодекса (ГК РСФСР – прим. автора) о сделках, следовало бы конкретизировать, что правила о признании сделок недействительными подпадают под злоупотребление правом, поскольку все эти случаи суть конкретные формы противоправного поведения в пределах общего дозволенного законом типа поведения – права совершать сделки» [12, с. 39].

Концепцию сторонников разграничения сделок на действительные и правонарушения в виде недействительных сделок подверг критике В.А. Рясенцев, который отмечал, что нельзя отождествлять фактический состав сделки с её последствиями, что выдвинутое ими предложение не оправдывается практическими соображениями [24, с. 178–179]. Сходную позицию по данному вопросу, выразил И.С. Самощенко, по мнению которого сделка и правонарушение не исключают друг друга [22, с. 180–181]. Более того, при обсуждении учебника по советскому гражданскому праву Б.Б. Черепахин высказал тезис о том, что «недействительная сделка не всегда является противоправной» [21, с. 159]. Не менее однозначную позицию по данному вопросу занимал Д.М. Генкин, с точки зрения

которого «то обстоятельство, что из факта заключения сделки могут вытекать не те юридические последствия, к достижению которых стремились стороны, или не положительные, а отрицательные последствия, не превращает сделку в деликт» [3, с. 50].

Помимо приведённых в юридической литературе взглядов встречаются и такие точки зрения, которые нельзя в полной мере отнести ни к одной из перечисленных выше. Так, например, относя недействительные сделки к правонарушениям особого вида, Н.В. Рабинович писала: «Таким образом, недействительная сделка – тоже сделка, она недействительна именно как сделка, в силу недостатков, присущих ей как сделке. Поэтому ГК рассматривает вопрос о недействительных сделках в разделе о сделках, и литература, как правило, именует их сделками, а не деликтами. Вместе с тем недействительная сделка не только сделка. Она является таковой по своему содержанию, по своей форме, по своей направленности. Но в то же время она представляет собой правонарушение, поскольку она нарушает право, норму закона, установленный правопорядок. Это относится ко всем недействительным сделкам, а не только к сделкам, противозаконным по своему содержанию» [20, с. 7].

В современный период значительная часть цивилистов, исследовавших правовую природу недействительных сделок, также считают необходимым включать правомерность сделки в число её конститutивных признаков [11, с. 13; 16, с. 17; 27, с. 15 и др.]. Между тем, безоговорочное отнесение правомерности действия, составляющего суть сделки к числу её основных при-

знаков, не способствует, на наш взгляд, снятию основных проблем её теоретической конструкции, поскольку в этом случае очевидно предполагается размежевание действительных и недействительных сделок по признаку различной их правовой природы, и, следовательно, раздельное их изучение в качестве относительно самостоятельных юридических фактов. Позиция сторонников такого подхода, пожалуй, наиболее ярко иллюстрируется мнением Ф.С. Хейфеца, согласно которому недействительные сделки, являясь гражданским правонарушением независимо от виновности действующего лица, имеют отличную от сделок правовую природу [28, с. 45–46].

Не разделяя подобные взгляды на разрешение вопроса о правовой природе недействительных сделок и принимая во внимание, что «<...> распространённый в отечественной гражданско-правовой доктрине советского и постсоветского периодов подход, признающий любую недействительную сделку правонарушением, обязан влиянию старой идеологии, некорректен и не соответствует правовой реальности. Не имея никакого прикладного значения, он направляет по ложному пути теорию юридической сделки» [26, с. 56], полагаем необходимым учитывать в ходе формирования современных подходов к теории гражданско-правовых сделок в целом и недействительных сделок в частности, следующие положения.

1. Является сложившимся правило, согласно которому законодатель, предлагая в нормативном правовом акте определение какой-либо правовой категории, стремиться отразить все существенные признаки определяемого

понятия. Между тем, в ст. 153 ГК РФ, содержащей легальное определение сделки, мы не обнаружим указаний на правомерность или неправомерность действий, квалифицируемых в качестве сделки. Следовательно, действующее законодательство не даёт нам однозначных оснований, для утверждения правомерности в качестве конститутивного признака сделки.

2. Снимая вопрос о правомерности сделки в качестве её конститутивного признака, законодатель не ставит под сомнение направленность данного юридического факта на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Не следует забывать, что в силу закона под сделкой понимаются действия лиц, имеющие соответствующую направленность. Но лишь через категорию «действие» безотносительно к её правомерности или неправомерности, а также категорию «направленность» безотносительно к реальной достижимости обусловленного направленностью действия правового результата и исчерпывается в своей основе то определение сделки, которое законодатель приводит в ст. 153 ГК РФ.

3. Правомерное поведение представляет собой поведение, соответствующее закону и не может быть связано с нарушением правовых запретов. Это общее положение, верное по своей сути, нуждается в уточнении применительно к анализу правомерности как конститутивного признака гражданско-правовой сделки.

Классификация действий, совершаемых субъектами права, лишь на правомерные и противоправные [6, с. 265] не в полной мере соответствует современным потребностям право-

вого регулирования, поскольку в этом случае из поля зрения исследователей выпадают действия (бездействия), очевидно законом не запрещаемые, но, в то же время, и не поощряемые им. Например, закон не запрещает гражданам заблуждаться, однако при определённых обстоятельствах сделка, совершённая в таком состоянии может быть признана недействительной (ст. 178 ГК РФ). В свою очередь совершение недействительных сделок дестабилизирует нормальные имущественные отношения между субъектами гражданско-правовых отношений.

Выделение третьего варианта поведения, хотя и встречает определённые трудности в вопросе определения его специфических признаков, тем не менее, допускается некоторыми учёными. Так, например, С.А. Комаров прямо указывает, что с точки зрения права, поведение может быть правомерным, юридически нейтральным и противоправным [8, с. 340]. Однако здесь может возникнуть вопрос – как квалифицировать юридически нейтральные действия, как правонарушения или как действия, допускаемые законом? На наш взгляд, ответ на этот вопрос очевиден – нейтральное поведение не может привести к правонарушению по той причине, что не является противоправным, запрещённым законом.

Другие авторы, не считая необходимым выделять три варианта поведения, отмечают, что не всякое правомерное поведение имеет одинаковую социальную значимость. По их мнению, одни виды правомерных действий являются объективно необходимыми для нормального развития общественных отношений, другие являются желательными, и, наконец,

могут быть варианты социально допустимого, правомерного поведения [25, с. 404].

Указанные позиции иллюстрируют необходимость дифференцированного подхода к анализу правомерности как правовой категории с точки зрения не только социальных, но и правовых, а также экономических аспектов совершаемых субъектами права действий. Очевидным, на наш взгляд, является существование таких вариантов поведения, которые нельзя в полной мере отнести к числу правомерных (если под правомерным поведением понимать такое, которое в полной мере согласуется со всеми требованиями норм права [13, с. 706]). Однако при этом важно главное – такое поведение не является противоправным, поскольку не нарушает правовые запреты и не связано с неисполнением правовых обязанностей.

Несомненно, что правомерность будет являться конститутивным признаком действительной сделки, но не сделки вообще, не той сделки, понимание которой заложено в ст. 153 ГК РФ. Иная логика рассуждений способна привести к выводу о том, что недействительная сделка всегда является действием противоправным. Между тем, по определению профессора В.П. Грибанова противоправным по гражданскому праву следует считать лишь такое поведение, которое нарушает нормы права, либо общие правовые принципы гражданского права или его отдельных институтов. Под нарушением норм и принципов права В.П. Грибанов понимал несоблюдение лицом юридических обязанностей, независимо от того, вытекают ли они из запретов, предписаний или дозво-

лений как общего, так и конкретного характера [4, с. 326]. Применив это определение к оспоримой сделке, совершённой например, под влиянием заблуждения, мы придём к выводу, о несостоятельности тезиса о том, будто все недействительные сделки – правонарушения. Ведь заблуждаться не запрещено ни конкретными нормами, ни принципами права в целом.

4. Отождествление всей совокупности недействительных сделок с гражданскими правонарушениями обязывает сторонников данного подхода распространять на эти случаи все требования, предъявляемые к составу правонарушения. К числу элементов состава гражданского правонарушения обычно относят: противоправное деяние, вредный результат этого деяния, причинную связь между деянием и вредом, а также вину причинителя вреда [15, с. 9]. Наличие состава правонарушения – общее и, как правило, единственное основание ответственности. Данное положение практически не вызывает возражений и применительно к гражданскому праву [1, с. 47; 7, с. 94; 10, с. 57; 14, с. 7].

Отсутствие вины влечёт отсутствие полного состава правонарушения и, следовательно, по общему правилу нельзя рассматривать какое-либо деяние, характеризующееся отсутствием вины, в качестве правонарушения. В этой связи следует заметить, что вопрос о наличии состава правонарушения в случае совершения деяний, влекущих ответственность независимо от наличия вины причинителя вреда, относится к числу дискуссионных в гражданском праве. Не ставя перед собой целью разрешить данный вопрос, мы исходим из того, что все эти случаи

непосредственно предусмотрены законом и носят характер исключения из общего правила. В этой связи мы считаем необходимым присоединиться к точке зрения Р.О. Халфиной о том, что значение вины как необходимого условия ответственности для эффективного применения этого института в правовом регулировании даёт возможность определить и направление развития законодательства и практики его применения в этой области. Таким направлением является постоянное сужение той области отношений, где применяется ещё ответственность без вины, и постепенный переход к тому, чтобы ответственность базировалась на принципе вины как непременном её условии [26, с. 338].

Вина представляет собой психическое отношение лица к своему поведению и связывается с осознанием им характера и последствий своих действий. В понимании юристов вина представляет собою состояние сознательной воли человека, который намеренно или неосмотрительно совершает действие, направленное на фактический результат, который противоречит закону [18, с. 1–61; 30, с. 638]. С точки зрения права виновным признаётся «не всякое вообще психическое отношение лица к своему поведению, а лишь психическое отношение лица к своему противоправному поведению, недопустимому как с точки зрения закона, так и моральных принципов нашего общества» [4, с. 339].

В этой связи представляется верным вывод о том, что не может быть признано виновным лицо, которое не может правильно осознавать значение своего поведения. Нельзя признать виновными действия (в том числе и

направленные на установление, изменение либо прекращение правоотношения) гражданина, признанного недееспособным либо не достигшим четырнадцати лет. Следовательно, было бы неверным относить совершение ряда ничтожных сделок, например, предусмотренных ст. ст. 171 и 172 ГК РФ, к категории правонарушений. Обращает на себя внимание и тот факт, что гражданское законодательство не содержит нормы, непосредственно обязывающей контрагентов удостоверяться в дееспособности друг друга всякий раз перед совершением ими сделок.

5. Недействительная сделка обладает рядом черт, свойственных всем гражданско-правовым сделкам. Во-первых, недействительная сделка – это действие. Во-вторых, недействительная сделка представляет собой волевой акт, выраженный в определённой форме и направленный на установление, изменение либо прекращение гражданских прав и обязанностей. В-третьих, недействительные сделки совершаются между юридически равными субъектами гражданского права. В-четвёртых, правовым результатом совершения недействительной сделки является возникновение определённого правоотношения, в ходе которого наступают последствия недействительности самой сделки. В-пятых, недействительная сделка может представлять собой действие как обладающее признаком правомерности, так и не обладающее таковым.

Между тем можно выделить две особенности, позволяющие выделить недействительные сделки в отношении самостоятельную группу: во-первых, при недействительной сделке

не достигается тот юридический результат, к достижению которого стремились участники сделки; во-вторых, действия, составляющие действительную сделку, не могут быть противоправными, а действия, составляющие недействительную сделку – могут являться таковыми. В рассматриваемом аспекте, необходимо правильно соотносить понятие сделки и понятие правонарушения. Сделка – это действие граждан и юридических лиц, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. А правонарушение представляет собой противоправное, виновное поведение правосубъектного лица, причиняющее вред другим лицам, обществу или государству и влекущую за собой юридическую ответственность.

Не сложно заметить, что действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, равно как и результат, к которому они привели, могут охватываться правовым регулированием не только со стороны гражданского, но, к примеру, и уголовного законодательства в тех случаях, когда соответствующие действия являются составной частью механизма совершения преступления. Иными словами, «правонарушение» и «недействительная сделка» представляют собой два нетождественных правовых качества одного и того же совершённого противоправного действия. Отождествление сделки и деликта может иметь место, лишь постольку, поскольку одни и те же действия одновременно составляют суть и недействительной сделки и правонарушения.

Основываясь на анализе действующего законодательства и литературных источников, посвящённых рассматриваемой проблеме, мы не находим достаточно убедительных доводов в пользу того, чтобы считать правомерность именно конститутивным признаком сделки. Ведь отсутствие такого влечёт невозможность квалификации действия, пусть и неправомерного по своей сути, но всё же направленного именно на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав или обязанностей, в качестве сделки.

Из всего изложенного можно сделать вывод о том, что только единство действительных и недействительных сделок образует, на наш взгляд, то явление правовой действительности, которое в теории и практике гражданского права получило название «сделка». Изложенное позволяет сформулировать также вывод о том, что при анализе состава признаков сделки, как родового понятия, не следует производить разделение последнего на действительную и недействительную её составляющие. Определяя сделку через категорию «действие» мы можем говорить о том, что действие либо есть, либо его нет. Если действие объективно выражено, то на наш взгляд сложно представить его недействительность. Иное дело – результат действия. Будь он положительный или отрицательный – он, как и действие всегда имеет место, но правовые последствия, выраженные в этом результате, могут отличаться существенным образом. Что мы и наблюдаем у действительных и недействительных сделок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С.С. О составе гражданского правонарушения // Правоведение. – 1958. – № 1. – С. 47–53.
2. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник / 3-е изд. – М.: Юрист, 1999. – 528 с.
3. Генкин Д.М. Недействительность сделок, совершённых с целью, противной закону // Учёные записки ВИЮН. – 1947. – вып. V. – С. 40–57.
4. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Статут, 2000. – 411 с.
5. Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве: теория и практика оспаривания. – М.: Бератор-Пресс, 2003. – 576 с.
6. Иоффе О.С. Избранные труды: в 4-х т. Т.2. Советское гражданское право. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – 544 с.
7. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. – 310 с.
8. Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник. – 3-е изд., переработанное и дополненное. – М.: Юрайт, 1997. – 411 с.
9. Красавчиков О.А. Теория юридических фактов в советском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1950. – 564 с.
10. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. – М.: Госюриздан, 1958. – 182 с.
11. Кулматов Т.Ш. Недействительные сделки по гражданскому праву и правовые средства органов внутренних дел по их предотвращению: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М, 1996. – 24 с.
12. Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. – М.: Юрид. лит., 1985. – 182 с.
13. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: учеб. – М.: Изд-во Проспект, 2006. – 756 с.
14. Матвеев Г.К. Вина как основание гражданско-правовой ответственности по советскому праву: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Киев, 1951. – 42 с.
15. Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. – М.: Юрид. лит., 1970. – 312 с.
16. Матвеев И.В. Правовая природа недействительных сделок. – М.: Юрлитинформ, 2002. – 564 с.
17. Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. – М.: Госюриздан, 1954. – 247 с.
18. Петражицкий Л.И. О мотивах человеческих поступков, в особенности об этических мотивах и их разновидностях. – СПб.: тип. Э.Л. Пороховщиковой, 1904. – 81 с.
19. Рабинович Н.В. Недействительность сделок и её последствия. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1960. – 462 с.
20. Рабинович Н.В. Недействительность сделок и её последствия: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Л., 1961. – 39 с.
21. Самойлова М.В., Семенова Л.И. Обсуждение нового учебника по советскому гражданскому праву // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1966. – № 2. – С. 158–163.
22. Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. – М.: Юрид. лит., 1963. – 286 с.
23. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права: учебник. – М.: Изд-во БЕК, 2000. – 400 с.
24. Советское гражданское право: учебное пособие [Ч.1] / под ред. В.А. Рясенцева. – М.: ВЮЗИ, 1960. – 519 с.
25. Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. – М.: Норма, 1997. – 570 с.
26. Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. – М.: Статут, 2007. – 313 с.
27. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. – М.: Юрид. лит., 1974. – 340 с.

28. Хейфец Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. – М.: Юрайт, 1999. – 164 с.
29. Шахматов В.П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими по следствия. – Томск: Изд-во ТГУ, 1967. – 311 с.
30. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 3. – М.: Изд. бр. Башмаковых, 1912. – 698 с.